

Игорь МЕТЕЛЁВ

МИГРАЦИЯ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, РОССИЯ

В статье рассматриваются универсальные взаимозависимости миграционного опыта и цивилизационного развития, тенденции формирования современного российского социума. Автор анализирует взаимопритяжение геополитических образов и процессов историко-политической темпорализации.

The universal interdependence of migration experience and the development of civilization, formation trends of modern Russian society are considered in the article. The author analyzes the mutual attraction of geopolitical patterns and processes of historical and political temporalization.

Ключевые слова:

миграция, цивилизация, глобалистика, социогеографические образы, система культуры; *migration, civilization, global study, social and geographic images, culture system.*

Современные миграционные процессы связаны с магистральными образами мирового развития. Трансформация традиционных представлений заключается в «перетекании» внутренней политики крупнейших держав во внешнюю, следствием чего становится условность национальных рамок жизнедеятельности, предпринимательства и т.д. Устранение «фиксированности» и «прижатости» стран к ранее устойчивым государственным территориям приводит к стиранию границ за счет образования масштабных переходных геокультурных зон. Как подчеркивает Д.Н. Замятин, семиотическая «возгонка» глобальных классических геополитических образов, переструктурирование их потенциального поля порождает особую «игру» компонентами традиционного историко-политического пространства¹. Это имеет большое значение для понимания факторности современной миграции (иммиграционные потоки «за океан», «на историческую родину», в «мир единой Европы», разделение пространства «человека гор» и «человека равнины», перемещения от «территорий страха и тревог» в «благополучные страны и регионы», большой и малый круги устойчивости и равновесия).

С одной стороны, человек, общество находятся под воздействием тех явлений, субъектов, феноменов, которые, казалось бы, существуют помимо них, но определяют образ мыслей и поведения, ход и процесс эволюции, вплоть до глобальных процессов². С другой стороны, имеет место экономический и рекреационный туризм, перемещения под гуманистическим лозунгом: «Свобода — есть свобода передвижений» (как подлинная миграция)³. Но сегодня преобладают мощные миграционные потоки, обусловленные кризисной международной обстановкой, под давлением антигуманных обстоятельств, насильственного вытеснения населения. Это подтверждает универсальную феноменальность миграции в истории человечества: в эпохи Древнего мира и средневековья, в качестве модели миграционных процессов периода ранней глобализации и,

МЕТЕЛЁВ

Игорь

Сергеевич —

докторант

кафедры философии

Российского

государственного

торгово-

экономического

университета

finoirgteu@mail.ru

¹ Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность, 2001, № 1, с. 132, 133.

² Халипов В.Ф. Кратология — наука о власти. — М.: Экономика, 2002, с. 125. Анализ автора позволяет выделить такие феномены, как стремление к образу жизни в определенных «краях», в метафизическом смысле — «под солнцем», где «чистый воздух». «Альпийские горки» на современных дачах также имеют ассоциативный характер связи с «приметами пространства», представлениями о фрагментарной историчности, «временами года», универсальными образами жизни.

³ Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии, 1997, № 7, с. 82.

наконец, в качестве фактора социальных преобразований в современный период¹.

Миграционный образ жизни является важнейшим средством формирования геополитического образа страны, на который проецируются представления о ее текущем и перспективном развитии (в аспекте положения социальных слоев и групп, успешности развития демократизации, легитимности органов власти, правового статуса граждан). Можно сказать, что в политическом отношении необходима апология «истинного образа» страны в единстве объективного, исторического, относительно своеобразного, конкретно-социального. При этом социокультурная подвижность локальных и глобальных образов определяется процессами миграционного существования граждан — в освоении новых индустриальных пространств в противоположность отсталым регионам, в трансформациях жизненного восприятия, качества жизни граждан.

В этом смысле акцентируется понимание хронотопического существования субъекта-мигранта не в философском расширительном, но конкретно-социальном значении, в т.ч. как «ворот» вхождения в новую жизнь, тесного единства временных и пространственных характеристик. Речь идет об особенностях обыденно-жизненных сюжетов, личностно присвоенных примет малознакомой жизни, практических «розыгрышах» социально-человеческих качеств существования.

О важности проблематики толерантности свидетельствует то, что еще 1996 г. был объявлен ЮНЕСКО «годом толерантности». Но очевидная актуальность этого явления на фоне межнациональной вражды, локальных военных столкновений, преследования национальных меньшинств не делает его прозрачным для понимания, не проясняет автоматически его внутреннюю природу.

Сегодня, например, происходит парадоксальное переоформление понятий. Распространение массового страха перед лицом террористических действий приводит к тому, что, как подмечает Л.Г. Ионин, «толерантность и безопасность — это две чумы современного мира». Автор имеет в виду обстоятельство, когда эти меры призваны делать людей «одинаковыми

и понятными, в определенном смысле прозрачными», т.е. соображения безопасности, решение сложных конфликтных проблем оборачиваются тем, что «все равны», различия устраняются — «тот, кто рядом, — такой же, как я»².

Современный «гражданин» в условном и безусловном порядке считает своим долгом побывать в различных странах мира, все «увидеть и узнать самому». При этом формируются инациональные (космополитические) макро- и микрообразы конкретной страны, например представления российских жителей о Европе и наоборот. Как следствие, порождаются многочисленные миграционные интерпретации и реинтерпретации в направлении политических, экономических, социокультурных, социально-человеческих заключений, оперирование стереотипными стилевыми образами, географическими (этнографическими) приметам образов жизни.

В условиях глобализации появляется и виртуальная реальность, когда сообщения и их циркуляция становятся всеобщим достоянием, покрывают вариативными слоями коммуникации население планеты и в результате раздвигают рамки его планетарной подвижности. Так, К.Э. Разлогов ссылается на неологизм «глокализация» как на симбиоз глобального и локального. Его содержательной основой является лозунг: «Мыслить глобально, действовать локально»³.

Иначе говоря, имеет место естественная фаза взаимодействия, которая является преемником открытой коммуникации прошлого. Человек повышает транзитосодержание и развивает иммиграционную подвижность как значительное расширение актов и контактов. Организация сообщений подчиняется законам эфиропотока, смещенный характер которого позволяет подключаться к феноменальной мозаике (синтез и объединенность порождают новые виды миграционного коммуницирования).

Вместе с тем разветвляющаяся глоба-

² Ионин Л.Г. Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии, 2007, № 3, с. 14.

³ Разлогов К.Э. Культура и культуры в эпоху Интернета // Человек, культура и общество в контексте глобализации современного мира. Материалы III Международной научной конференции. Вып. 3. Электронная культура и новые гуманитарные технологии XXI века. — М., 2005, с. 54.

¹ Юдина Т.Н. Социология миграции. — М.: Академический Проект, 2006.

лизация способствует оживлению социального дарвинизма и эгоизма, углублению неравенства, что превращает граждан в мигрантов поневоле и ремигрантов. Это, по мнению Г.С. Киселева, заявляет о себе как об откровенном вызове гуманизированной социальности, но «наднациональной узды для такого посткапитализма пока не нашлось», позитивных сдвигов в освобождении человека нет и по сей день, царят несвобода, угнетение, войны, бедность, голод¹.

На восприятие прибывающих мигрантов влияет представление россиян о собственной стране. З.В. Сикевич иллюстрирует следующие закономерности. Разрушение символического единства страны, ее представимого социального пространства вызывает у людей чувство хаоса, неустойчивости, беспорядка. К этому присоединяются интегральные характеристики переживания социального бытия, в т.ч. такие, как индивидуально-личностное самочувствие, стабильность или, напротив, чувство тревоги за сохранение константных качеств национального характера, будущего страны. С одной стороны, выделяется державная атрибутика («мощь», «непобедимость», «мы выстоим»), с другой — распространяется крайне критическое восприятие («вечные проблемы», «бросаемся из крайности и крайности», «гремучая смесь Европы и Азии»). Вместе с тем достаточно спокойно воспринимаются такие понятия, как образы природных богатств, больших территорий, признание богатой культуры и таких главных черт психологического строя русского населения, как душевная широта, терпеливость, доброта, радушие, бескорыстие².

Социальная философия призвана реализовать мировоззренческую функцию по отношению к трактовкам национального аспекта миграции в зависимости от периодов модернизации общества, нарастания в нем новых связей, определения перспектив развития миграционных процессов. В противном случае оформляется этнический редукционизм, сводящий данную проблематику к нежелательному вторжению «чужих граждан» на обустроенную

территорию, когда в конечном счете даже экономические выгоды в текущем и перспективном порядке сводятся к вопросу о национальностях.

Советский период демонстрирует смену принадлежности человека к этносу его соотносительностью с народом, образование новой исторической общности людей в границах целостности государства, гуманное устройство общественной системы, качественно новое пространство связей и отношений. Не случайно во время беспорядков, инициированных спортивными фанатами в г. Москве, в комментариях государственных и политических деятелей невольно вспоминались прежние «единство», «историческая общность народа». В перспективном конструктивном плане, гуманитарных и социокультурных пластах «мудрая авторитарная власть» считает эффективным ассимилировать самостоятельные устремления и усилия индивидов, трансформировать их «Я-идентификацию» в элемент «Мы-идентификации», хотя формы такой ассимиляции исторически были разными³.

Разумеется, гражданство не следует ограничивать правовым статусом, и речь идет о «гражданской активности», когда именно рядовые граждане как социальные индивиды фактически воздействуют на общие условия совместной жизни, хотя каждый из них реализует свои частные, индивидуальные цели. Симптоматично, что сегодня исследователи гражданского общества подчеркивают: происходящие в ходе российской модернизации крупномасштабные общественные процессы требуют и надэтнического уровня миграции, поскольку появляются глубокие последствия для этносов и, соответственно, трансформируется сам объект анализа, его состав, атрибуции, характер внутренних связей⁴.

В выступлении на заседании Госсовета по вопросам культуры в г. Владимире 22 июля с.г. академик РАН А.О. Чубарьян отметил актуальность дальнейшей научно-педагогической разработки проблем национальных отношений: «Вот сейчас во всем мире интерес к мультикультурализму, кото-

¹ Киселев Г.С. Свобода и эволюция // Вопросы философии, 2005, № 10, с. 4.

² Сикевич З.В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования, 1999, № 1, с. 92, 93.

³ Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии, 2006, № 5, с. 8.

⁴ Кузьмин М.Н., Артеменко О.И. Человек гражданского общества как цель образования в условиях полиэтнического российского социума // Вопросы философии, 2006, № 6, с. 42.

рый, как признали лидеры европейских стран, не оправдал себя, даже провалился. Россия в этом смысле уникальная страна — у нас этот эксперимент оказался, может быть в единственной из крупных держав, очень успешным. Я даже думаю, что это не очень точный термин — мультикультурализм, в применении к России можно было заменить на интеркультурализм. У нас проблема культурного взаимодействия народов, которые нас населяют, в едином государстве может служить образцом»¹. Может быть, действительно необходимо обращение к прежней культуре интернационализма, интернациональной общности людей?

В современном российском обществе этносы соотносятся с территориями занятости, видами занятий, экономической целесообразностью, что закрепляет национальности на местах их исторической принадлежности в отнесенности к традиционным позициям. Вместо этого следует направлять социально-философский анализ на результаты деятельности индивидов в конкретности их вкладов в новую общественную жизнедеятельность. Это должно выглядеть более весомым моментом в сравнении с религиозной, культурно-этнической принадлежностью².

Здесь вступает в силу идея гражданского общества, когда мигрант может получать гражданство. Это значит, что он начинает существовать в качестве субъекта социальных связей, наделен правами и обязанностями в составе конкретных организационных структур. В данном случае исчезает жесткая связь человека с этнической принадлежностью и акцен-

тируется его социальная роль в жизнедеятельности людей.

В плане глобальных миграционных процессов национальные государства взаимодействуют друг с другом, акцентируя взаимосвязи различного уровня и порядка. При этом миграционная проблематика может являться крайне взрывоопасной, вплоть до резких размежеваний и охлаждений, но которые основаны, тем не менее, на нормах международного права, когда государства-субъекты учитывают интересы субъектов-людей.

В этом случае прежняя периферия сфер межгосударственных отношений выходит на первый план, в т.ч. в военно-политическом отношении. В результате фокус межнациональных отношений смещается в поле деятельности межгосударственных связей; метафорическое отношение регионов, мира, цивилизаций заменяется формированием суперэтносов (как, например, в результате турецкого «нашествия» во Францию и Германию). Сегодня создается новая структура социального мира, которая не сводится исключительно к проблеме миграции. Социальное пространство последней увязает в социальном времени, демонстрируя процессы социального воспроизводства в своих новых формах и культурно-исторической реализации.

При этом следует избегать распада социально-экономических, политико-культурных взаимосвязей, как это произошло, например, при крушении Советского государства. «Парад суверенитетов» обернулся сложным миграционным существованием огромных масс людей. Титульные нации обнаруживают традиционную реакцию граждан на «посторонних», в т.ч. со стороны политиков-государственников, экспертов, представителей общественности. В результате появляется новый этноцентризм как склонность оценивать чужие нравы и поведение со своих, «более передовых» позиций, что лежит совсем рядом с проявлениями национализма. Подобный односторонний порядок вещей не способствует складыванию общего социального порядка, который предполагает восприятие «чужого — другого» как «иного», во всей сложности его индивидуального мира.

¹ State Kremlin.ru/bace/12075. Следует отметить, что ранее допускалось совмещение «интеркультурности» и «мультикультурности». В качестве антитезы говорилось «о войне культур», грозящей затмить все ранее известные социальные, экономические и политические конфликты. Одновременно признается осознанный плюрализм как существование взаимоисключающих и противоборствующих решений, что позволяет устранить «конфликт мироинтерпретаций». См. Зандкюлер Х.И. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии, 1992, № 2, с. 35.

² Кемеров В.Е. Социальная философия. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004, с. 317–319.